НЕБО НЕ ОТПУСКАЕТ ДРАКОНОВ

Украденные дети

КНИГА 1

Антон Елисеев

Украденные дети

«Автор»
2026

Елисеев А.

Украденные дети / А. Елисеев — «Автор», 2026

В мире, где люди и разумные драконы живут под одним небом, после пожара исчезают драконьи дети. Инженер Мира Таль и смотритель Кай Рен находят след в военных перевозках. Чтобы раскрыть преступление, им придётся бросить вызов системе, называющей жестокость необходимой ценой безопасности.

© Елисеев А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Общее небо 5
Глава 1. Площадь общего неба 5
Глава 2. Двадцать четыре 10
Глава 3. Люлька из военного обоза 14
Глава 4. Чья это дорога 18
Глава 5. Дым, которому верили 22
Глава 6. Цена одного выстрела 25
Глава 7. Дочь хранителя 28
Глава 8. Третий выход 31
Часть II. Цена огня 34
Глава 9. Родовая метка 34
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Антон Елисеев
Украденные дети

Часть I. Общее небо

Глава 1. Площадь общего неба

У пекаря украли мешок муки, и виновник даже не пытался убежать.

Молодой дракон стоял посреди рынка, придерживая мешок двумя когтями, а третьим — загнутым, ещё не до конца выросшим — отталкивал от себя поднос с тёплыми булками. На меди его чешуи играло солнце. Пекарь, маленький человек в белом переднике, упирался ладонями в бока.

— Вчера за доставку обещали два мешка, — сказал дракон. — Я принёс шесть. И половина улицы до сих пор думает, что мука растёт на мельнице сама.

— За доставку, а не за беседу о землеустройстве! — отозвался пекарь. — Один мешок твой. Второй получишь, когда вернёшь мне корзины.

— Я их не съел.

— Вот это меня и тревожит. Если бы съел, я хотя бы знал, где искать.

Покупатели смеялись. Дракон разжал когти, осторожно опустил мешок на тележку и склонил голову к самой витрине. Пекарь вытащил из-под прилавка огромную, нарочно уродливую булку, испечённую в форме драконьего хвоста. Торг закончился без свидетелей и подписей.

Мира Таль остановилась у лотка дольше, чем собиралась. Ей нравилось, что двое могут переругиваться из-за пустяка, не вспоминая ни договор о совместном небе, ни королевские указы о безопасности посадочных площадок. Именно так, в несерьёзных спорах, город и жил. В документах Лар был обозначен как смешанное поселение. На улице он пах хлебной коркой, смазкой грузовых лебёдок и мокрой драконьей чешуёй.

Три года назад она могла назвать цену каждого подъёмника в городе. Сегодня на праздничных полотнищах висели рисунки причалов, которые она проектировала, а её имя исчезло с доски почётных специалистов у ворот.

Мира поправила ремень рабочей сумки. Карта в его боковом кармане зацепилась краем за медную застёжку. Когда-то она носила сюда большую кожаную папку с печатью ведомства. Теперь предпочитала свёрнутые листы: с ними легче было уйти, если кто-нибудь вспомнит о её увольнении.

На площади общего неба установили навесы, рассчитанные на людей, и посадочные уступы, рассчитанные на драконов. Между ними оставили широкие чистые полосы, размеченные белой известью. Старая драконица с тёмно-зелёным гребнем опустилась на восточный уступ, сложила крылья и вытянула шею к группе детей. Те подставляли ей бумажные ленты, чтобы она прочитала написанные на них пожелания. Одному мальчику пришлось дважды объяснить, что «хочу летать без уроков» не считается серьёзной просьбой.

У западного прохода стражник остановил молодого крылатого посыльного.

— Вниз нельзя. Только посадочная полоса.

— Я уже сел.

— Тогда здесь не стой. Проход загородил.

Посыльный отступил, хотя до края полосы было ещё несколько шагов. Стражник поставил древко копья так, будто собирался защищать от него всю площадь. Женщина с ребёнком протиснулась между ними и сердито бросила:

— Не видишь, он ждёт хозяина груза? Кто тебе завтра уголь на крышу поднимет?

Стражник промолчал. Посыльный отвернулся первым. Мира видела подобные стычки с детства: никто не объявлял войну, но кто-то всякий раз хотел показать, что право стоять на камне принадлежит именно ему.

— Вы и теперь считаете ширину прохода на глаз?

Она обернулась. Перед ней стоял Сандер Хой, бывший коллега по транспортной управе. На его груди поблёскивал новый значок с гербом ведомства. Сандер всегда улыбался прежде, чем решал, насколько честным будет следующий ответ.

— Теперь я считаю ещё и тех, кто притворяется, будто белая линия заменяет здравый смысл, — сказала Мира.

— Вы давно не бывали на празднике.

— Работала.

— Говорят, на западной дороге вы добились пересмотра платы за подачу грузовых платформ.

— Не добилась. Доказала, что прежний расчёт неправильный.

— Для вас это, разумеется, разные вещи.

У входа на официальный помост развевался перечень исполнителей праздника. Мира узнала названия трёх своих проектов — ветровую галерею, опускную платформу и соединительный путь на Седловину. Под ними перечислялись департаменты, подрядчики, нынешние начальники. Её фамилии не было.

Сандер проследил за взглядом.

— Список составляли не у нас.

— Понятно.

— Ваша работа никуда не делась, Мира.

Она посмотрела на гранитную опору грузовой галереи, где ещё оставалась царапина от первого испытания.

— Да. Её только научились подписывать чужими именами.

Сандер отвернулся к помосту. На ступенях появились офицеры с синими лентами военного ведомства. Праздничные музыканты замолчали не сразу: сначала один флейтист сбился, потом барабанщик подхватил другой ритм.

— Сегодня будет показ нового огня, — сказал Сандер. — Говорят, теперь можно не просить драконов сопровождать каждую колонну.

— Их и прежде нельзя было заставлять.

— Я сказал «просить».

Сандер произнёс это без нажима. Оттого Мире стало неприятнее. Однажды она уже слышала, как чиновник употребил правильное слово ради неверного решения. Он тогда говорил «упростить», имея в виду «убрать проверяющего».

На помост вынесли небольшое орудие. У него был короткий ствол, закрытый серым защитным чехлом до самого последнего мгновения. Рядом поставили каменный щит с нарисованным белой краской кругом. Когда-то по таким щитам испытывали обычные зажигательные смеси, и людям позволяли смотреть с ближних трибун. Сегодня площадь огородили двойным канатом.

Офицер поднял руку.

Мира ожидала тяжёлого хлопка. Выстрел оказался сухим, почти неприметным. Через мгновение на щите раскрылась синяя полоса света. Камень не взорвался; он словно изнутри

утратил прочность, и белый круг провалился в расплавленную середину. Воздух пах раскалённым железом, но под запахом было что-то ещё — слабое, горьковатое, совершенно незнакомое.

Кто-то восторженно закричал. Женщина возле Миры обняла двух мальчиков и сказала, что теперь Велд не пройдёт к их домам. На верхних уступах драконы не хлопали крыльями, как во время праздников. Несколько взрослых подняли головы и смотрели на чёрную дыру в камне.

— Впечатляет, — тихо сказал Сандер.

Мира не ответила. Её внимание привлёк вовсе не щит.

У основания помоста помощник офицера поставил пустую транспортную кассету — прямоугольный керамический футляр с двумя железными ободами. На левом ободе, возле замка, виднелись три косые черты и короткая поперечная риска. Мире не требовалось подходить ближе, чтобы узнать рисунок.

Так обозначали особый переход на нижней развилке Седловины. «Пятая ступень». Когда-то этот знак означал всего лишь удобство для грузчиков: кассета принята в узел без повторной погрузки, безопасная партия, маршрут проверен заранее.

Позднее на том же переходе ввели военное исключение.

— Кто изготовил футляр? — спросила она Сандера.

— Вы спрашиваете об оружии?

— О футляре.

— Ведомство снабжения, наверное.

— Не существует ведомства под названием «наверное».

Он усмехнулся, но уже без прежней лёгкости.

— Вы опять ищете неправильную подпись там, где люди празднуют победу?

— Я ищу правильный ответ.

Она хотела пройти к военному распорядителю, пока тот не скрылся за кулисами. Толпа мешала. На площади играли барабаны, детей поднимали на плечи, пекарь из-за угла спорил с тем самым молодым драконом, который теперь требовал ещё и корзину для булок.

Тогда воздух над площадью резко дрогнул.

Сначала Мира почувствовала ветер — сильный, низкий, пахнущий озёрной водой и камнем. Потом люди подняли головы. Со стороны Тёплых террас летела большая серебряная драконица. Она не кружила над башнями, выискивая удобное место: город знал её посадку, а она знала город. Аранта вытянула задние лапы, сложила крылья и опустилась на широкий центральный уступ с такой силой, что из трещины старого бордюра посыпалась мелкая каменная крошка.

На праздничном помосте кто-то бросился накрывать орудие.

Аранта не посмотрела на него. В её пасти была медицинская люлька.

Деревянная рама, тёплый войлочный чехол, латунная застёжка. Люльку делали для яйца, которое требовалось нести из родильного яруса в человеческую лечебницу: лёгкий наклон, мягкое закрепление, амортизирующие полозья. Сейчас чехол свисал пустым мешком.

Драконица шагнула ближе к краю уступа. Люди расступились сами. Она не рычала и не показывала огонь. Оттого её голос, прозвучавший над площадью, ударил сильнее.

— Кто из вас отвечает за возвращение детей?

Офицер на помосте выпрямился.

— Аранта, сейчас государственный праздник. Если произошла авария, подайте заявление через совет.

Она разжала челюсти. Люлька упала на камень и перевернулась, звякнув замком.

— Я уже подавала заявление. Мне вернули это.

Лица вокруг переменились не сразу. Кто-то ещё улыбался, думая, что речь идёт о споре за драконью кладку, какие иногда случались между родами. Но рядом с Мирой женщина, державшая ребёнка за руку, крепче стиснула его пальцы.

— Сколько? — спросил кто-то.

Аранта посмотрела на толпу, потом на людей в синем.

— В родильном доме не хватает двадцати четырёх живых яиц. Вместо них вы прислали пустые люльки.

Площадь на мгновение стала такой тихой, что Мира услышала, как за навесом скрипнула верёвка с флажками.

— Это невозможно, — произнёс офицер.

— Значит, покажите мне живых детей.

Стражники у каната двинулись к уступу. Один вскинул арбалет. В толпе кто-то вскрикнул: у Аранты хватило бы силы раздавить весь передний караул вместе с орудием. Но она лишь наклонила голову ниже, и её серебряные рога блеснули на расстоянии человеческой руки от направленного оружия.

— Опусти, — сказал мужчина, вышедший из бокового прохода.

Мира узнала Кая Рена. Смотритель Тёплых террас шёл слишком быстро для человека, который не спал ночь. Куртка была в серых пятнах сажи, на левом рукаве отсутствовала пуговица. Он встал между драконицей и стражниками, хотя не мог закрыть собой даже половины её груди.

— Убери арбалет. Ей не нужен ещё один повод бояться вас.

— Отойдите, смотритель. Нам приказано охранять помост.

— Так охраняйте. Он у вас за спиной.

Молодой стражник поискал глазами старшего. Тот медленно опустил ладонь, разрешая убрать оружие. Но двое военных оставались у орудия, словно пустая люлька могла внезапно его захватить.

Кай повернулся к Аранте.

— Сера проверяет последние номера, — сказал он. — Двенадцать пустых корпусов уже подтвердили, остальные привезли позже. Я велел никого не выпускать с террас без родительского разрешения.

— Ты велел? — тихо спросила драконица.

Мира увидела, что Кай не сразу выдержал её взгляд.

— Я разрешил вывезти их ночью. Когда начался дым.

— Я знаю, зачем ты разрешил. Я была там.

— Тогда понимаешь...

— Я понимаю, что мой ребёнок был жив, когда его положили в эту люльку.

Кай опустил голову. Не так, как проситель перед властью; как человек, которому нечем возразить на точный факт.

Мира подошла к упавшей раме. Ей никто не запрещал этого: все смотрели на драконицу.

На внешнем железном замке виднелся тот же знак, что на кассете военного орудия. Три косые черты и поперечная риска. Поставить его случайно было невозможно. Он означал узел перевалки, где груз переходил из гражданской описи в ведомственную.

— Не трогайте, — резко сказал Кай.

Она остановила руку в ладони от металла.

— Я хочу посмотреть на клеймо.

— Сначала скажите, кто вы.

— Мира Таль. Раньше отвечала за грузовые переходы.

Кай узнал имя. Лицо его стало неподвижным.

— Вы строили нижний маршрут на Седловину.

— Да.

— Тогда, возможно, вы объясните мне, почему детская люлька вернулась из военного коридора.

Ей захотелось сказать: коридор не военный, в первоначальном проекте он был общим. Она даже открыла рот. Но на замке лежала её собственная схема, воплощённая в железе. Слова о первоначальном проекте показались ей бесполезными.

— Покажу, что могу проверить, — сказала Мира. — И объясню, чего пока не знаю.

Кай смотрел на неё с недоверием человека, которому этой ночью уже слишком много объясняли чужие должности.

Над площадью снова зашевелились флажки. Синий след на разбитом щите ещё не успел потускнеть. Мира перевела взгляд с него на пустую люльку, лежавшую между ней и драконом.

У обоих предметов был один и тот же дорожный знак.

Аранта подняла голову. Её голос не был громким, однако на площади вновь перестали двигаться.

— Не называйте их грузом. Вы увезли наших детей.

Глава 2. Двадцать четыре

На Тёплых террасах больше не пахло дымом. Это тревожило Кая сильнее всего.

Ночью в нижнем хозяйственном коридоре стояла едкая сизая завеса, в которой люди кашляли и теряли друг друга на расстоянии вытянутой руки. Теперь пахло мокрым войлоком и мылом. У раскрытых окон сушили защитные чехлы, на каменных лежанках меняли песок. Обычная уборка после беды. Но ни одно движение служителей не возвращало на места пустующие углубления, в которых ещё вчера лежали живые яйца.

Кай прошёл через верхние ворота и остановился у первой террасы. Здесь прежде всегда было тепло. Драконицы выбирали солнечные плиты, перебирались с одной на другую, спорили, кому лучше лежать у внутренней стены. Люди доставляли воду, проверяли кронштейны и открывали медицинские люльки только по просьбе семей. Сегодня все разговоры шли шёпотом. Даже ветер не приносил привычного шуршания крыльев.

Сера Нив сидела прямо на каменном полу, поставив перед собой два ящика с журналами. Короткие седые пряди выбились из косы. Она не подняла головы, когда Кай подошёл.

— Сколько пустых корпусов вернулось? — спросил он.

— Все, что были в ночной описи.

— Я спрашивал не об этом.

— А я не хочу, чтобы ты заставил меня назвать число раньше, чем я его проверю.

Кай опустился рядом. У Серы на коленях лежала детская меточная тетрадь: ни военных печатей, ни официальных заголовков, только родовые знаки и короткие врачебные замечания. Её вели годами. Некоторые страницы были в пятнах копоти, некоторые — в следах засохшего яичного воска.

— Первое гнездо, — сказала Сера. — Серебряное. Одно Аранты, два Орены, два Леары, три Велы. Восемь.

Она перевернула страницу.

— Высокий гребень: два Нейры, три Реины, три Тарги. Тоже восемь. Каменный круг: два Эрсы, три Керры, три Сайны. Восемь.

— Двадцать четыре.

— Да. Двадцать четыре жизнеспособных яйца по вчерашним проверкам. Не пустые камни, не закрытые для отбора кладки. У каждого была родовая отметка и врачебная строка. У некоторых — изменения тепла за последние сутки. Я не подпишу ни одного документа, где эти строки исчезнут.

Кай долго смотрел на её руки. Ночью этими руками она поднимала ребёнка Реиной кладки. Теперь ногти у Серы были обломаны до мяса.

— В какой люльке осталось яйцо Аранты?

Сера покачала головой.

— Кай. Мы проверяем отсутствие, а не пытаемся угадать, куда их повезли. В возвращённых корпусах нет ни одного живого яйца. Пломбы на половине заменены. Это я уже могу засвидетельствовать.

По ступеням поднялась драконица Эрса. Её тёмная чешуя ещё хранила полосы от ночных страховочных ремней. На открытой плите она задержалась, будто проверяя, нет ли здесь чужих человеческих приказов.

— Они сказали, что в тёплом приёмнике, — произнесла Эрса. — Где этот приёмник?

— Нам не дали адреса, — ответил Кай.

— Ты спрашивал?

— С трёх разных постов. Везде одна формула: «временный карантин до подтверждения медицинской безопасности».

— Мои дети не заболели. Они задыхались от дыма, который мы не принесли.

Кай хотел возразить, что причина задымления ещё не установлена. Но Эрса спросила не о расследовании пожара. Ей нужны были два живых существа, которым она вчера согревала скорлупу грудью.

— Я добьюсь адреса, — сказал он.

— Тогда не возвращайся с одним только обещанием.

Она ушла к своему пустому месту. Кай услышал, как когти медленно скользнули по камню. Это был звук, который он прежде замечал лишь во время обычного обхода: мать расправляла подстилку перед сном.

Сера закрыла тетрадь.

— Пойдём вниз. Ты должен ещё раз рассказать мне про ночь. Без того, что тебе хотелось бы тогда сделать.

В нижнем коридоре сохранились следы пожара. Над дверью хозяйственной секции почернела балка; в углах белели полосы от промывочной воды. Кай провёл пальцем по камню, и на коже осталась сажа.

Накануне он стоял здесь с мокрым платком на лице. Кричали носильщики, кто-то требовал открыть наружные ставни, но ветер загонял дым прямо к гнёздам. Мать одной кладки попыталась пронести яйцо в когтях. Сера остановила её: скользкая скорлупа могла удариться о перила, а малыш уже дышал через пористую оболочку грязным воздухом.

Военные санитары пришли не первыми. Сначала явились люди из городской лечебницы, которых Сера знала по именам. Потом — отряд с новыми накладными и знаком срочной помощи. В той ночной суматохе знак казался облегчением: готовые обогреваемые люльки, ремни нужной ширины, путь к защищённому помещению.

— Кто предложил нижний коридор? — спросила Сера теперь.

— Начальник сопровождения. Сказал, что верхний выход забит носильщиками и дымом.

— И ты согласился.

— Да. Ты сама сказала, что детей надо уносить.

— Я сказала, что их надо вынести из дыма. Это не одно и то же.

Кай остановился возле развилки. Вправо шёл широкий переход к наружной грузовой платформе, где могли стоять взрослые драконы. Налево уходил узкий человеческий ход, по которому проходила одна тележка за раз. Ночью двери налево были раскрыты, вдоль стен горели сигнальные лампы.

— Я велел оставить сопровождающих, — сказал он.

— Кого ты поставил у последнего поворота?

Он промолчал.

Сера смотрела на него не как обвинитель. Именно это делало её вопросы тяжелее.

— Я пошёл искать Дану, — ответил наконец Кай. — Мне сказали, что дети школы помогали выводить людей из лечебницы. Один мальчик видел её в дымной секции. Я боялся...

Он не договорил. Воспоминание было простым: дверь, за которой кто-то кашлял; рукав девичьей куртки; отчаянное желание узнать, что Дана жива. Он нашёл дочь возле внешней лестницы. Она придерживала соседку за плечо и была зла, что отец не отвечает, когда к нему обращаются.

В это время последние люльки уходили из нижнего перехода.

Кай не знал, что происходит после развилки. Он не проследил их до приёмной площадки. С тех пор он несколько раз мысленно возвращался к тому решению, но не находил способа прожить ночь иначе: когда он услышал, что Дана в дыму, никакая другая мысль не удержалась бы в голове.

— Я мог отправить с колонной ещё одного человека, — сказал он.

— Мог, — согласилась Сера. — И сейчас это важнее любого оправдания. Запиши его имя пустым местом. Чтобы в следующий раз не забыть поставить живого свидетеля там, где проходит государственный замок.

В дверях появилась Дана. Карандаш торчал у неё за ухом, волосы цвета сырого мёда были стянуты грубой лентой. На куртке оставалась прожжённая дырочка, которую Кай заметил лишь сейчас.

— Мне разрешили взять тетрадь, — сказала она Сере. — Ты просила найти, кто расписывался при отправке.

— Я просила принести открытую копию, — поправила Сера. — И ты сделала правильно.

Дана посмотрела на отца.

— Ты опять ушёл, не сказав мне.

— Я был на площади.

— Я знаю. Все знают. Ты встал перед арбалетами. А мне сказали, что ты здесь. Я пришла сюда, тебя тут нет. Что теперь делать, бегать между двумя местами?

Кай хотел ответить, что не обязан отчитываться за каждый шаг, когда пропали дети. Но Дана держала в руках тетрадь не потому, что ждала его наказания. Она пришла помочь.

— Сейчас я здесь, — сказал он.

— Это я вижу.

Сера едва заметно подняла бровь. Кай заставил себя не раздражаться.

— Что у тебя?

Дана развернула тетрадь на плоском камне. Страницы были разлинованы её собственным почерком: отметки печатей, время получения войлочных чехлов, номера корпусов. Она не пыталась составить тайную карту чужого склада. Она сравнивала то, что видела ночью, с тем, что ещё хранилось в открытом журнале.

— На первой платформе у нас были номера с одной длинной чертой, — сказала она. — Мне велели записывать каждый раз, когда выносили люльку. Я записала.

— Номера могли переписать неправильно, — заметил Кай.

— Могли. Поэтому я попросила младшую акушерку показать свой список.

Она подвинула второй лист. На нём те же номера повторялись в другом порядке.

— Вот этот был у двух разных корпусов.

Кай перевёл взгляд на Серу. Та уже вытаскивала свой журнал.

— Покажи оба, — сказала она Дане.

Через несколько минут выяснилось, что девочка заметила не описку. Два возвращённых пустых корпуса носили одинаковую отметку с теми, которые ушли ночью. У одного отсутствовала крошечная царапина на торце, которую Сера давно отмечала при мытье чехла. Если в родильном доме было два корпуса с одним номером, значит, кто-то изготовил дубликат.

— Может, их поменяли при стирке? — спросил Кай.

— Не при стирке, — ответила Сера. — У нас не стирают железные замки.

Дана ждала, что он скажет. Кай вдруг понял: если он сейчас обрушит на неё страх, как на нарушителя, она в следующий раз промолчит о важном.

— Твои записи надо сохранить, — сказал он. — Но дальше с ними пойдут взрослые. И Сера удостоверит, какие номера действительно совпадают.

— Я и не собиралась идти в военный склад, — огрызнулась Дана. — Мне четырнадцать, а не четыре.

— Я знаю.

— Иногда не похоже.

Они оба замолчали.

Сера поднялась, бережно забирая листы.

— Кай, покажи Дане, где сегодня будешь, прежде чем снова уйдёшь. Потом — ко мне. В одном из корпусов я нашла другую печать.

Печать лежала на внутренней стороне латунного кольца. Грубая и новая, она не походила на знаки гражданской лечебницы. Под королевской короной был маленький прямоугольник с тремя косыми чертами и короткой поперечной риской. Воск ещё держал в одном углу отпечаток чужой перчатки.

Кай вспомнил, как женщина на площади назвала этот знак старым транспортным кодом.

— Военная? — спросил он.

— Я не ставила её, — сказала Сера. — И ни одна из матерей не давала согласия на передачу детей военному ведомству.

Дана увидела, как отец сжал латунное кольцо. Прежде в такой момент он сорвался бы на лестницу, не закрыв за собой дверь.

— Я иду к гражданской раде, — сказал он ей. — После — к мастерской инженера Таль. Если меня не будет к ужину, узнай у Серы, где я.

— А если и Сера уйдёт?

— Тогда у дежурного террас. Я оставлю ему записку. Настоящую, с адресом.

Дана кивнула, не улыбаясь. Сера протянула Каю чистый лист. Он написал два адреса, поставил время и собственную подпись. Только после этого убрал в карман военную пломбу.

На одной стороне замка было указано, где груз взяли. На другой — кто получил право его скрыть.

Кай намеревался выяснить, почему вторую сторону позволили поставить на детскую люльку.

Глава 3. Люлька из военного обоза

К полудню в зале гражданской рады стало жарко, хотя окна держали открытыми.

На передних скамьях сидели люди с папками и печатями. Позади стояли ремесленники, матери, торговцы; на внешнем дворе расположились драконы, чьи крылья не умещались под каменным навесом. Через распахнутые ворота было видно серебряную голову Аранты. Мира слышала её дыхание — медленное, ровное. Это дыхание раздражало председателя сильнее, чем если бы драконица кричала.

— Военное ведомство подтверждает проведение чрезвычайных санитарных мероприятий, — произнёс чиновник, прочитав лист. — Обстоятельства перемещения специального медицинского груза относятся к закрытому режиму в связи с боевыми действиями на восточной границе.

— Какого груза? — спросила Аранта.

Председатель не поднял глаз.

— Жизненно важного медицинского...

— Скажите полную фразу.

Чиновник покраснел. Мира стояла у стены рядом с Каем. Между ними оставили столько места, что туда мог бы пройти ещё один человек. Кай держал в руке металлическую пломбу. Вчера — до праздника — они были чужими. Сегодня его неприязнь к ней ощущалась столь явственно, будто он специально расчищал вокруг себя полосу.

— Вы знаете, о чём идёт речь, — сказал чиновник.

— Знаю. О двадцати четырёх яйцах, которые ещё вчера отвечали на тепло своих матерей. Где они?

— В надёжном месте.

— Назовите место. И тех, кто отвечает за дыхание моих детей.

Чиновник начал объяснять режим секретности. Из заднего ряда поднялась женщина в сером платке.

— Я живу у северной стены, — сказала она. — У меня трое малышей. Если разозлить драконов, нам куда бежать?

Слова прозвучали тихо. Несколько человек закивали. На внешнем дворе один из молодых драконов ударил хвостом о камень и тут же остановился. Страх женщины был настоящим, как и горе тех, у кого пропали дети.

— Три зимы назад у меня тоже был малыш, — сказал пекарь, которого Мира утром видела на рынке. — Затопило подвал, и он не успел выйти. Аранта сняла с крыши моего сына, пока мы с соседями спорили, кто полезет по лестнице. Сейчас я не понимаю, почему она должна просить разрешения увидеть своё яйцо.

— Ваш рассказ не имеет отношения к военной тайне, — отозвался чиновник.

— И мой сын теперь не имеет отношения? Удобная тайна.

В зале засмеялись нервно, без удовольствия. Аранта долго смотрела на пекаря, потом опустила голову — едва заметный жест признания, который она не обязана была никому дарить.

Мира выступила прежде, чем решила, готова ли к этому.

— Разрешение на санитарную эвакуацию не равно разрешению менять место хранения без родителей, — сказала она. — В общем транспортном порядке есть независимый приёмщик.

Председатель наконец узнал её.

— Госпожа Таль. Ваша компетенция в настоящее время не распространяется на военно-медицинские операции.

— Моя компетенция распространяется на чтение собственных чертежей.

— А также на соблюдение закона о закрытых объектах.

Кай чуть повернул голову. Мира уловила, как он внимательно слушает не председателя, а её ответ.

— Я прошу предъявить хотя бы цепочку передачи, — продолжила она. — Места приёма, фамилии ответственных, время смены люлек. Без сведений о военных перевозках. Только о детях.

— Вопрос рассмотрят.

— Когда?

Председатель перелистнул бумаги, словно искал день недели.

— В установленный срок.

Аранта переступила на дворе, и от движения её когтей мелкая каменная пыль поползла по плитам.

— Я умею считать человеческие сроки, — сказала она. — Мой ребёнок не ест бумагу и не греется от ваших обещаний.

Председатель объявил перерыв.

Кай первым вышел из зала. Мира нагнала его на ступенях.

— Вы собирались показать мне пломбу.

— После того как попробую добиться людей, которым разрешено говорить правду.

— Тогда вам придётся искать долго.

Он остановился.

— Почему?

— Потому что все должности здесь устроены так, чтобы каждый мог сослаться на соседний кабинет.

— Вы их проектировали тоже?

Она почувствовала удар и не стала изображать, будто не поняла.

— Нет. Но я знаю нижний грузовой переход. Дайте мне осмотреть корпус.

На террасах Сера встретила их у медицинской комнаты. Она не позволила Мире касаться внутренней подкладки, пока не убедилась, что та понимает назначение каждого крепления. Кай стоял рядом с такой напряжённой спиной, будто собирался перехватить любую её руку.

— Не всякий след на железе доказывает, куда увезли яйца, — предупредила Сера.

— Да, — ответила Мира. — Поэтому начнём с того, что он означает в документах.

На боковом полозе виднелся небольшой прямоугольный штамп. Снаружи его частично скрывала грязь, но изнутри черта была отчётливой. Мира достала тонкий карандаш и перенесла рисунок на бумагу.

— Пятая ступень, — сказала она.

— Что это? — спросил Кай.

— Нижний узел Седловины. Точка перегрузки между воздушным и наземным путём. Когда составитель не хочет разгружать весь контейнер ради повторного осмотра, он ставит этот знак и указывает, кто несёт ответственность за следующую передачу.

— Кто его поставил здесь?

— Я не знаю.

— Но код ваш.

— Схему вводили при мне.

— Схему? — Кай посмотрел на пустую люльку. — В эту ночь мои люди доверили вам дорогу, а дети исчезли. Вы хотите говорить о схеме?

Мира положила карандаш, чтобы не сломать его.

— Я хочу найти тех, кто переместил люльки. Обвинить меня можно и потом. Если мы назовём одну неправильную вещь другой неправильной вещью, детей от этого не найдём.

— Очень удобная отсрочка.

— Очень необходимая, если на другом конце дороги живые дети.

Сера встала между ними не телом, а вопросом:

— Каким документом должен сопровождаться этот знак?

Мира повернулась к ней с благодарностью, которой не хотела показывать Каю.

— Передаточным листом. Там указаны масса, число мест и следующий ответственный. В гражданской службе сохраняется оттиск. Если груз ушёл через «Пятую ступень», хотя бы один настоящий лист должен остаться.

— А если его сожгли? — спросил Кай.

— Тогда останется несоответствие в весе, топливе, упряжках. Путь не бывает без следов. Даже если кто-то очень старался.

На двери показалась Дана. Она стояла с Сериной тетрадью и явно слышала последнюю фразу.

— Я нашла ещё две повторные отметки, — сказала она. — Но мне велели сперва показать Сере.

Кай хотел сказать, чтобы дочь ушла. Мира заметила движение его челюсти и подумала, что сейчас он совершит ещё одну ненужную ошибку.

— Вы правильно сделали, — сказала она девочке. — Только второй список должен проверить взрослый, который видел исходные корпуса.

— Сера видела, — ответила Дана.

— Значит, она и проверит.

Дана кивнула и ушла с Серой к столу. Кай проследил за ней глазами.

— Вы могли бы использовать её тетрадь как свидетельство, — сказал он Мире.

— Я и собираюсь. После того как проверят источники. Но она не обязана становиться вашим курьером в военный склад.

— Я не делаю из неё курьера.

— Пока нет.

Он посмотрел на неё резко, потом отвёл глаза. Мира ощутила, что сказала лишнее, и всё же не пожалела. Девочка утром стояла перед отцом с той же смесью раздражения и надежды, какую Мира помнила по собственному детству.

Снаружи послышался тяжёлый удар крыльев. Аранта вернулась с площади на террасы и опустилась на широкую наружную плиту. Мира и Кай вышли к ней с листом кода.

— Это направление, — сказала Мира. — Не адрес. Дальше Седловины я по одному клейму ничего доказать не могу.

— Я могу долететь до Седловины, — ответила драконица.

— Да. Но вход в нижнюю ветку слишком узкий для взрослого дракона. Если дети там, разрушить ворота огнём — значит обрушить камень туда, где стоят люльки.

Аранта молчала. Сера рассказала ей, что повторные номера действительно принадлежат разным корпусам и что возвращённые люльки были пусты. Драконица не попросила проверить третий раз ради утешения.

— Вы считаете, их вывезли не для лечения, — произнесла она.

— Я считаю, что нам не показали ни одного документа, который позволял бы удостоверить лечение, — сказала Сера. — И что корпуса подменены.

Аранта посмотрела на Миру.

— Ты работала на этой дороге?

— Да.

— Кто её открыл?

— Я входила в группу, которая утверждала проект.

Драконица приблизила голову. Мира увидела собственное отражение в её тёмном глазу — маленькую фигуру со складной картой и грязным ногтем.

— Тогда помоги мне найти, куда она ведёт.

— Я начну сегодня.

— И если там мои дети, а люди снова скажут «закрытый режим»?

Мира не нашла ответа. Кай тоже. Аранта отступила первой, оставляя им возможность не лгать.

На выходе Мира попросила у Серы копию медицинской ведомости с подтверждёнными номерами — только те строки, на передачу которых согласились матери. Кай взялся отнести её в мастерскую.

— Давайте откроем дорогу от начала до конца, — сказала Мира.

— Без закрытых страниц? — спросил он.

Она встретила его взгляд и почувствовала в кармане сумки сложенный старый лист, который никому ещё не показала.

— Начнём с открытых, — ответила она.

Ей было стыдно, что даже сейчас это прозвучало как половина правды.

Глава 4. Чья это дорога

К ночи в мастерской Миры пахло клеем, погасшим углём и мокрой шерстью.

Кай Рен стоял над разложенной картой и не снимал куртку. Он принёс с собой холод с Тёплых террас и не замечал, что капли растаявшего снега падают на чистую бумагу. Мира придвинула к нему тяжёлую глиняную чашку.

— Поднимите рукав. Испачкаете северную развязку.

Он посмотрел на запястье, потом на карту.

— Извините.

Извинение прозвучало неожиданно. На террасах он спорил с ней так, будто уже был уверен в её виновности. Теперь его волновало лишь одно: сумеет ли она показать путь, по которому прошли двадцать четыре люльки.

Мира положила рядом две схемы. Одна была новой, отпечатанной на хорошей бумаге, с аккуратными подписями гражданской службы. Другая — старой, в масляных пятнах, с её собственными исправлениями на полях.

— Здесь Лар. Через городской терминал грузы уходят на воздушную платформу. Дальше шестьдесят километров до Седловины, если погода позволяет дирижаблю держать коридор. Там контейнеры опускают к наземным воротам. На нижнем уровне два выхода. Один — общий, второй — особый.

— Военный?

— Не изначально.

— Но теперь.

Она провела ногтем по линии.

— Теперь на нём ведомственная печать. Если вам показали готовый комплект медицинских люлек с этим клеймом, значит, кто-то заранее готовил их к переходу через нижний узел.

Кай наклонился ближе.

— В ночь пожара с террас ушли настоящие люльки. Дана слышала, как их пересчитывали. Если здесь подготовили подмену, должны были знать, сколько их будет.

— Или иметь пустых корпусов с запасом.

— Двадцать четыре одинаковых корпуса с теми же номерами не делают с запасом для красоты.

Мира молчала. Её старый чертёж заканчивался маленьким прямоугольником, который в ведомстве называли «исключение для специальных медицинских грузов». Она могла бы достать соответствующую страницу из внутреннего кармана сумки и положить её рядом. На странице стояла её подпись — свидетельство того, что три года назад она согласилась отменить второй независимый осмотр военных контейнеров. Тогда ей объяснили, что каждая лишняя остановка губит срочные медицинские поставки для раненых на границе.

— Кто теперь сверяет содержимое? — спросил Кай.

— Отправитель и получатель.

— А между ними?

— Приходная ведомость.

Он поднял на неё глаза.

— Кто смотрит внутрь?

Мира услышала в этом вопросе то, чего боялась.

— Есть ограничения для закрытых перевозок.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который у меня есть по действующему порядку.

Кай выпрямился.

— Если вы не знали, что там везут, зачем согласились, чтобы никто не смотрел?

Она выдохнула слишком резко.

— Я не согласилась, чтобы никто не смотрел. Мы изменяли порядок передачи ответственности. Врачи получали отдельную возможность ускорить перевозку лекарств.

— Без независимого человека в конце пути.

— Да.

Слово прозвучало коротко и почти спокойно. Но Мира впервые произнесла его при свидетеле, для которого это не была строка договора.

Кай посмотрел на пятно влаги возле Седловины.

— Вы знали, что такая дверь однажды станет удобной.

— Любая дверь может стать удобной тому, кто приносит неправильный груз. Если отказаться от всех дверей, люди останутся без больниц и хлеба.

— А если оставить дверь без глаз?

Мира отвернулась к окну. Снег лип к стеклу мелкими комьями. В мастерской было так тихо, что она слышала, как на соседней улице опускают ставни.

Постучали. Неожиданно мягко, двумя короткими ударами.

На пороге стояла Дана с Серой. Девочка несла тетрадь под курткой, словно защищала её от дождя. Сера сняла платок и сразу перешла к делу.

— Я сверила Данины номера с исходным реестром и со следами на четырёх возвращённых корпусах. Повторение настоящее. Дубли не возникли после пожара.

Мира подала девочке сухую ткань для тетради.

— Кладите сюда. На мокром столе цифры поплывут.

Дана не улыбнулась, но бережно развернула книгу.

— В первом списке отмечен корпус, который утром забрали к нижним ваннам. Во втором он будто снова приехал с улицы. Я спросила у двух санитаров: оба помнят, что держали разный замок.

— Значит, копия номера была подготовлена до ночи, — сказала Мира. — Сера, у вас есть свидетель того, какой корпус был старым?

— Есть отметка о ремонте, — ответила акушерка. — И человек, который лично менял войлок. Он не подпишет чужой документ вслепую, но согласится назвать, что видел.

Кай сдержанно кивнул. Для него данные дочери были одновременно уликой и напоминанием о том, что она снова оказалась в центре взрослых бед.

— Дана, домой, — сказал он.

Она подняла голову.

— Мы договаривались, что я покажу тетрадь.

— Ты показала. Теперь домой.

— Я пришла с Серой.

— Я вижу.

— Тогда зачем ты говоришь так, будто меня нашли в военном тоннеле?

Кай распрямил плечи. Мира вспомнила, как утром девочка стояла с листами, ожидая хоть одного ответа без раздражения.

— Я не хочу, чтобы ты возвращалась поздно по городу, — сказал он уже тише.

— Можно было сказать именно это.

Сера аккуратно собрала свои бумаги.

— Я провожу её. Нам всё равно по пути.

Но Дана не уходила.

— Папа, ты вчера исчез. Сегодня тоже. Я узнала, где ты, от людей на площади. Когда мама погибла, ты обещал, что больше не оставишь меня одну, а потом каждую неделю находилась причина уйти.

Кай побледнел. Мира пожалела, что находится в комнате. Она могла бы подняться, подойти к печи, сделать вид, что занята посудой. Но девочка говорила не для чужих ушей, и любое демонстративное бегство превратило бы её слова в неловкую сцену.

— Дана, сейчас другое дело, — сказал Кай.

— Да. Теперь пропали дети драконов. Поэтому мне опять нельзя знать, вернёшься ли ты?

Он опустил руку, которой хотел поправить ей съехавший воротник.

— Сегодня вернусь. Если не успею к ночи, оставлю в доме записку с тем, где меня искать.

— Записку уже оставлял. А потом ушёл в другое место.

Сера взяла девочку под локоть.

— Идём. Ты устала. Отец тебя услышал.

Дана кивнула, не глядя на Кая. Дверь закрылась тихо, без хлопка. Это было хуже.

Мира собрала чертежи, давая ему время.

— Не благодарите меня за то, что я не вмешалась, — сказала она наконец.

— Не собирался.

Он провёл ладонью по лицу.

— Она права.

— Она сказала конкретные вещи. На них можно отвечать конкретно.

— Вы всем в жизни находите меру?

— Нет. Поэтому и проверяю расчёты.

Кай посмотрел на неё. На мгновение его взгляд утратил обвинительную жёсткость, но не стал доверчивым. В этой усталости Мира увидела человека, чьи руки привыкли поднимать тяжёлые люльки и который всё равно не знал, что делать с одним четырнадцатилетним ребёнком.

Они вернулись к тетради. К ночи Мира построила цепочку: исходные номера, несоответствие возвращённых корпусов, знак нижнего перехода, необходимость двух отдельных ведомостей, без которых груз не мог законно сменить владельца. Получалось не доказательство адреса, а карта вопросов. Это раздражало Кая, но он перестал требовать ответ там, где его ещё не было.

— Завтра пойду к нижнему хозяйственному коридору, — сказал он. — Посмотрю, кто ночью закрыл второй проход.

— А я проверю старые транспортные отметки, — ответила Мира. — Если кто-то заказал дубли заранее, на складском дворе останется след.

Она взяла последнюю копию Даны. На её нижнем поле был штамп изготовителя, которого прежде не замечали: не медицинский мастер, а гарнизонный слесарный двор. Дата предшествовала пожару на несколько дней.

Кай подошёл ближе.

— Значит, ночью они не просто ошиблись.

— Дубликаты были готовы прежде, чем понадобились.

В мастерской не горела ни одна праздничная лампа. За окном город ещё пытался петь песни общего неба. Мира осторожно убрала дубликат в папку и почувствовала пальцами другой лист — тот, что прятала.

Она могла бы раскрыть его сейчас.

Вместо этого спросила Кая, когда он придёт утром. Он назвал время, забрал список изготовителя и ушёл, не простившись. Мира дождалась, пока на лестнице затихнут шаги, вынула старую подписанную страницу и прочла последнюю строку.

«Дополнительное гражданское свидетельство не требуется».

Три года назад это казалось ей выигранным временем.

Теперь она представила двадцать четыре люльки, прошедшие ночью мимо пустого стула проверяющего, и впервые не смогла придумать слова, которыми объяснила бы свой выбор человеку с площади.

Глава 5. Дым, которому верили

Утром на террасах открылось первое окно, которого ночью никто не заметил.

Его створку заклинило под копотью, и когда Кай нажал на раму, из щели посыпалась чёрная пыль. Сера поставила рядом чистую чашку и собрала часть осадка для врача. Он стоял рядом с Мирой у хозяйственной двери и смотрел на верхний коридор, где вчера военные поставили временную перегородку.

— Нельзя утверждать, что весь дым пришёл отсюда, — сказала Сера.

— Но здесь его было больше, — ответил Кай.

— Здесь его задержала закрытая створка. Это не одно и то же.

Мира провела пальцем по старой схеме, прикреплённой к стене. На ней два санитарных выхода вели к разным площадкам. Правый оставался доступным, если открыть наружный заслон; левый спускался к человеческой ветке. Ночью военный дежурный велел запереть правый.

— Он сослался на предписание, — сказал Кай.

— Какое? — спросила Мира.

— «Во избежание распространения дыма через рабочий причал». Я слышал это от санитаров.

Она присела возле нижнего замка. Новая накладка ещё не успела покрыться солью; в дерево её врезали после последнего ремонта. Воспоминание о ночной суете всплыло слишком наглядно. Сначала настоящий дым, затем заранее открытая одна-единственная дорога. Словно пожар потребовался не для того, чтобы убить, а чтобы заставить всех бежать по нужному коридору.

— И всё же эвакуировать было необходимо, — сказала Сера. — Посмотрите сюда.

На внутреннем подоконнике лежала осколочная пластинка скорлупы — не от погибшего ребёнка, а старый медицинский образец. Сера показала, как дым забивается в поры и делает тёплую оболочку непригодной для долгого дыхания.

— Я выдала разрешение на вынос, — сказала она. — Своими руками. Не потому что меня обманули красивой печатью, а потому что яйца действительно страдали.

— Вы видели, кто вызвал пожарных? — спросила Мира.

— Видела только тех, кто прибежал. Причину выясняйте отдельно, не здесь.

Одна из молодых акушерок стояла у двери, комкая рукав. Её звали Йора, и ночью она подписала распоряжение закрыть правый проход. Кай знал её с тех пор, как она начала работать на террасах. Сегодня смотреть ей в глаза было трудно.

— Мне приказали, — сказала Йора. — Люди в форме, с печатью. Я думала, они спасают нас от угара.

— Ты видела сам текст? — спросил Кай.

— Да. На нём было написано, что наружный заслон нужно закрыть.

— Ты знала, что за ним стоит готовая платформа?

— Я знала, что если приказ неправильный и я его не исполню, потом мне скажут, что дети задохнулись из-за меня.

Из соседней комнаты вышла другая акушерка, пожилая Вира, и молча положила на стол кусок разрезанного ремня.

— Это моя работа, — сказала она. — Они велели ждать носильщиков, а я сама освободила две последние люльки. Ремень заело, я не стала искать ключ. Если за это нужен выговор, пусть пишут мне.

Мира смотрела то на одну, то на другую. Йора подчинилась чужому приказу, Вира нарушила его ради детей. Обе стояли в той же дымной комнате. Нельзя было объявить одну вечной

трусихой, а другую безупречной героиней: у Виры были хорошие ножи под рукой, Йора осталась без старшей медсестры рядом. Но из их слов вырастал порядок действий, которого нельзя было скрыть формулой «аварийный случай».

— Сера, — сказала Мира, — кто хранит копию того предписания?

— На столе дежурного. Если не изъяли.

Они нашли бумагу под стеклом журнала. Её успели переправить несколькими штампами, однако первоначальная дата оставалась видимой. Мира сверила запись с часами пожара, проставленными Вирой в медицинской книге.

— Это не может быть, — произнесла она.

Кай подошёл.

— Что?

— Предписание о закрытии правого прохода выписано за несколько часов до задымления.

Йора уткнулась лицом в рукав. Вира медленно села. Кай взял лист, держась за края.

— Тогда кто-то заранее знал, что он понадобится.

— По крайней мере, кто-то заранее приготовил приказ именно для такой ситуации, — уточнила Мира. — Чтобы доказать поджог, нужно больше. Но это уже не случайная ошибка санитаров.

Снаружи раздался болезненный хрип. На открытом уступе молодая драконица с серо-голубыми пластинами на крыльях пыталась расправить повреждённую перепонку. Ночью она обожглась о горячий край дымохода, когда вытаскивала с террасы чужую подстилку. Теперь требовала, чтобы ей дали лететь на восток.

— Я найду обоз, — говорила она. — Я узнаю, кто...

— Сначала ты сможешь удержать крыло, — перебил Кай.

— Моё крыло не твоя забота, человек.

Он остановился. В руке у него был медицинский бинт.

— Верно. Я могу предложить помощь. Не приказать.

Драконица долго смотрела на него, потом позволила перевязать ожог. Кай работал молча, мягко просовывая ткань под края чешуи. Его пальцы знали привычную работу лучше, чем язык — правильные слова.

На соседнем уступе стояла Аранта. После вчерашнего праздника ей никто не смог предложить отдыха. Она слушала молодую мать не перебивая.

— Я могу лететь, — повторила та. — И ты можешь. Если мы соберёмся...

— Куда? — спросила Аранта.

— В Седловину.

— А если там пусто?

— Полетим дальше.

— А если наши дети лежат под крепостью и туда не проходит ни одно крыло?

Молодая драконица втянула воздух и опустила голову. Аранта придвинулась так, чтобы обожжённая могла опереться на её плечо.

— Я не прошу тебя простить людей. Я прошу не убивать детей, пытаясь наказать их похитителей.

Кай неожиданно почувствовал благодарность к ней — ту, на которую прежде, до похищения, у него не было права. Аранта могла бы поддержать гнев и повести вслед за собой половину родов. Вместо этого она держала повреждённое крыло соседки, пока та сама решала, стоит ли взлетать.

Мира передала Сере оба документа: приказ о перекрытии и медицинский журнал пожара. При этом она заметила, как Кай пытается удержать в руках несколько листов сразу. Он привык раздавать задания. Теперь каждое задание возвращалось к нему чужим страхом.

— Нужно дать гражданской раде копии, — сказала она.

— И назвать тех, кто подписал, — ответил Кай.

— Назвать. Но отдельно указать, кто видел приказ заранее, а кто только исполнил ночью.

Вира кивнула. Йора выглядела так, будто впервые за утро смогла вдохнуть.

Когда они вышли к нижним воротам, солнце едва пробивалось сквозь горный туман. У развилки стояла временная доска с надписью «карантинный маршрут». Кай снял её со стены. Под доской обнаружились старые отверстия от более раннего крепления; новый указатель поставили поверх прежнего.

— Слишком много людей знали заранее, где нам предстоит идти, — сказал он.

Мира не стала отвечать, что это была её дорога. На этот раз он и без того понимал.

Они вернулись в медицинскую комнату и сняли копию самой ранней даты. Она была на несколько часов старше пожара.

Это не показывало, где дети. Зато впервые показывало, что к их исчезновению готовились, когда на террасах ещё никто не кашлял.

Глава 6. Цена одного выстрела

Лазарет не праздновал победу. На воротах висела вчерашняя гирлянда, намокшая за ночь, а под ней четверо носильщиков тащили на щите человека, которому не хватало места на обычных носилках.

Мира приехала за складской ведомостью. Увидев кровь на серой шинели раненого, она остановилась. Дежурный лекарь крикнул, чтобы кто-нибудь убрал людей с прохода; Мира отступила к стене и только тогда заметила совсем молодого артиллериста. Он сидел на ступени с перевязанной рукой, держа в здоровой ладони свою шапку.

— С Восточных Ворот? — спросила она.

Парень поднял глаза.

— С передовой батареи. Вас куда?

— В отдел снабжения. Но если вам нужна вода...

— Там дают. — Он кивнул на лазарет. — Лучше помогите тому, у кого ног нет.

В его голосе не было грубости. Просто он вчера видел то, что человек после праздника не должен был видеть никогда.

Мира присела на соседнюю ступень, оставив проход открытым.

— Как вас зовут?

— Алдер. Орудийный расчёт третьей позиции. Нас уже дважды отрезали от подвозов. Потом привезли новые заряды.

— Синие?

Он усмехнулся.

— Все в городе про синие спрашивают. Вы бы видели, как они разрушают велдские осадные лестницы. Они шли прямо к нашим воротам. Обычным огнём не остановишь — мокрые шкуры, железо, щиты. А новый заряд взял и прожёг опорный брус. Мы успели оттащить двух раненых прежде, чем обрушилась секция.

— Сколько было выстрелов?

— Я не скажу. Военная тайна.

— Вы правильно делаете. Я не прошу секретных чисел.

Алдер заметно расслабился.

— Министр Рор обещала, что мы больше не будем держать стены голыми руками. И впервые исполнила.

Внутри лазарета кто-то кричал от боли. Мира дождалась, пока крик стихнет.

— Вы знаете, из чего делают эти заряды?

— Меня учили проверять накладную и не брать повреждённую кассету. Что внутри — не моё дело. Если бы каждый артиллерист требовал объяснений у оружейника, пока Велд ломает ворота, мы бы все лежали там.

Мира могла бы возразить. Но у него была обожжена половина рукава, и он рассказывал о соседях, которых сумел спасти. Его благодарность не была выдуманной. Это делало неизвестное содержимое кассеты ещё страшнее.

— Что за знак на ней? — спросила она.

— Только номер. И ступень, как на грузовых платформах. Пятая. Похоже на дорожный термин.

Мира поднялась. Ведомости становились всё важнее каждого отдельного имени.

В открытом отделе снабжения её сперва не хотели пускать к журналам: бывшая сотрудница ведомства, гражданская специалистка, неизвестно с какими целями. Она показала письмо городской рады и указала, что спрашивает только о количестве приёмных кассет и их гражданских кодах. Старший писарь согласился выдать бумагу, если Мира сделает копию при нём.

За соседним столом стоял портовый хронометр. Писарь сверял по нему время всех поступлений, будто точность часов могла оправдать любой груз.

Мира нашла демонстрационный заряд, использованный на площади. Его производство было отмечено за несколько недель до ночного пожара. Значит, голубой огонь существовал раньше, чем исчезли нынешние двадцать четыре яйца. Это исключало соблазнительное, но неверное объяснение: «Аранту похитили вечером, утром стреляли её ребёнком». Такой маршрут не выдержал бы даже сокращённого расписания.

Но в другом поле ведомости стоял знак, которого она не знала. Вместо материала указан был старый термин из драконьих ремесленных книг: «огненное зерно».

— Это торговое название? — спросила она у писаря.

— Не по моей книге.

— А по чьей?

— Я не храню военные рецепты.

— Я спросила, в какой книге.

Писарь почесал подбородок и указал на графу перед названием.

— Пришло из Кремня. Там свой учёт. Наше дело — накладную принять и расписаться, что ящик не упал.

Мира сделала копию страницы. Писарь охотно поставил штамп о её соответствии оригиналу, словно чем больше штампов, тем меньше вопросов.

У выхода её ждал Кай. Он не заходил внутрь, чтобы не вынуждать писаря переписывать правила доступа к архиву. В руке держал лист о предписании, датированном до пожара.

— Нашли? — спросил он.

— Нашла термин, который мне не нравится. И подтвердила, что показательный заряд прибыл раньше похищения.

— Значит, оружие делают не из наших детей.

— Значит, из них не могли сделать именно вчерашний праздничный заряд. Это разные утверждения.

Кай задержался на лестнице.

— Для вас всегда разные.

— Потому что если мы однажды обвиним человека неправильно, военный совет закроет перед нами даже те двери, которые ещё открыты.

— А если будем ждать до следующего пожара?

Мира достала копию с новым термином.

— У меня есть предположение. Оно пока без доказательств, и я не собираюсь кричать его на площади.

Он прочёл слова.

— «Огненное зерно». Так называют то, что должно появиться у драконьих детей?

— В старых книгах — начало будущего огненного дыхания. Но я инженер. Об этом надо спросить Серу и самих матерей.

Кай побледнел. На мгновение Мира подумала, что он сорвётся с места, вернётся к Аранте и расскажет всё без проверки.

— Нельзя молчать, — сказал он.

— Я не предлагаю молчать. Я предлагаю проверить, куда ушла партия и какие кассеты с ней связаны. Если люди уже собираются выжигать следы, толпа их предупредит.

— Вы боитесь толпы?

— Я боюсь, что оставшихся живых детей убьют, когда поймут, что мы узнали адрес.

— А я боюсь, что мы его так и не узнаем.

Она сжала копию настолько сильно, что хрустнула бумага.

— Тогда хватит обвинять друг друга. На «Пятой ступени» есть третий выход, не обозначенный на гражданских афишах. К нему прикрепляют транспортные талоны. Если проверить туда доставленный груз, мы сможем установить хотя бы последний законный момент его движения.

Кай смотрел на неё долго.

— Вы пойдёте со мной?

— Я назову людей, которые ведут описи. Вы не дадите им закрыть дверь одним приказом.

— Могу обещать только, что не стану бить их, пока они отвечают.

— Для начала достаточно.

Он всё-таки усмехнулся — устало, без веселья.

Мимо прошли носильщики с пустыми носилками. Алдер уже сидел внутри лазарета под перевязкой. Из окна доносился его голос: он рассказывал другому раненому, как синее пламя обрушило велдскую башню.

Кай услышал.

— Они спаслись благодаря новому оружию, — сказал он.

— Да, — ответила Мира.

Это «да» требовало от неё большего, чем простое осуждение военного ведомства. Она видела людей, которым действительно помогли заряды. И не знала, откуда взяли огонь.

У ворот Кай остановил возчика со складскими бирками. Попросил показать оборот последней маршрутной записи. Возчик пожал плечами и назвал привычное слово: «Пятая ступень».

Теперь у них было направление, подтверждённое не только клеймом на пустой люльке, но и грузовым путём настоящих боевых кассет.

Мира спрятала копии так, чтобы на них не попал дождь. Она должна была идти к Сере с вопросом, на который никто не хотел отвечать.

Глава 7. Дочь хранителя

Дана готовила ужин так, будто пыталась обидеть картофель.

Кай услышал стук ножа ещё на лестнице. В доме пахло луком, горячим маслом и мокрыми варежками. У входа стояли две пары подростковых ботинок. На скамье ждала человеческая девочка в длинной серой юбке, которую Кай знал по имени — Ола, школьная подруга дочери.

— Добрый вечер, — сказал он.

Ола вскочила.

— Дядя Кай, я уже собиралась уходить.

— Можешь сначала поесть.

— Мама велела не задерживаться.

Дана за дверью кухни ударила ножом сильнее.

— Её мама боится, что драконы сейчас всех нас съедят, — сказала она.

— Дана.

— А что? Это её слова.

Ола покраснела, но не отступила.

— Мама сказала, что на рынке кричали. Она не знает, безопасно ли возвращаться через верхние ворота.

Кай снял куртку. На ней снова были пятна сажи, хотя он весь день пытался держаться подальше от повреждённого коридора.

— Твоя мама не обязана знать всё о каждом драконе, — сказал он Оле. — Но путь через верхние ворота охраняется городской стражей и родовыми смотрителями. Я могу проводить тебя до поворота, если хочешь.

— А Аранта? — спросила девочка. — Она сердится?

— Очень.

— Значит, всё-таки может...

— Она сердится на тех, кто забрал её ребёнка. Если бы у вас украли малыша, разве мама перестала бы узнавать друзей на улице?

Ола опустила глаза.

— Не знаю.

— Я тоже не знаю, как человек будет вести себя от горя. Поэтому не стану обещать, что никто ни на кого не рассердится. Но драконы умеют принимать решения. Им не нужно, чтобы за них заранее придумали чудовищную роль.

Он проводил Олу до крыльца и дождался, пока на улице она встретит старшего брата. Дана тем временем перестала стучать ножом. Это не означало, что простила отца.

Вечерняя еда получилась неровной: картофель недоварен, одна сторона хлеба обожжена. Кай ел, не жалуясь. Дана видела это и раздражалась ещё больше.

— Ты бы хоть сказал, что невкусно.

— Не ужасно.

— Как щедро.

Он поставил вилку.

— Я хотел поблагодарить тебя за список. Сера сказала, что ты нашла ещё два дубликата.

— Это были старые записи. Не секретный подвиг.

— И всё же полезная работа.

— Тогда почему ты днём велел мне уйти, как только я заговорила?

Кай открыл рот и понял, что любое первое оправдание будет ложным. Он действительно испугался. В тетради она нашла след настоящего преступления; следующим шагом могла оказаться опасная взрослая дорога.

— Потому что я испугался, — сказал он. — И вместо того чтобы объяснить, решил приказать.

Дана смотрела на него внимательно, будто проверяла, не подменил ли он одно обещание другим.

— Иногда ты говоришь точные вещи, — признала она. — Но только когда очень устал.

После ужина Кай вымыл посуду. Дана пошла в комнату матери, чтобы поставить на полку чашку, которую Эйра когда-то любила. С тех пор прошло почти пять лет. В комнате ничего не было законсервировано нарочно: Дана меняла постель, протирала пыль, иногда брала оттуда книги для уроков. Но шаль Эйры всё ещё висела на спинке кресла, и Кай никогда не переставлял его без спроса.

Он остановился на пороге.

— Ты сегодня надевала её?

— На улице было холодно.

— Я не против.

— Я знаю. Просто ты каждый раз спрашиваешь так, будто хотел бы.

Кай провёл ладонью по дверному косяку. На дереве оставалась зарубка Даниных девяти лет. Эйра сделала её в день, когда девочка решила, что вырастет выше матери. Позднее случился оползень у восточной тропы. Кай по неполной проверке разрешил обходной путь. Эйра добровольно осталась помогать отставшим; подвижный склон рухнул, когда она уже прошла на опасный участок. Никто не давал ей приказа погибнуть. От этого вина Кая не исчезала — он не проверил землю так тщательно, как обязан был.

— Я обещал тебе, что больше не исчезну без объяснения, — сказал он. — И нарушил.

Дана потянула шаль ближе к себе.

— Когда ты уходишь, я представляю, что мне опять скажут: «Её не нашли вовремя». И никто не спросит, что я ждала у окна.

Он хотел подойти и обнять её, но девочка стояла чуть в стороне.

— Завтра я буду работать в мастерской Таль и на складах. Затем вернусь к Сере. Если меня отправят дальше, я сообщу тебе, прежде чем уехать.

— Ты не можешь обещать вернуться.

— Не могу.

— Тогда не говори «скоро».

Он кивнул. Это оказалось труднее, чем успокоить десяток испуганных родильных помощников.

В дверь постучали. Кай вышел первым. На площадке стояла Мира Таль с небольшой папкой, защищённой от дождя кожаным клапаном. Она выглядела так, словно перед приходом несколько раз решала, не повернуть ли назад.

— Сера просила передать вам копию штампа, — сказала она. — И проверить, что открытая ведомость не ушла вместе с военными.

— Вы не обязаны ходить по домам ночью.

— Не обязана. Но завтра этот лист может оказаться в запертом шкафу.

Дана появилась за его плечом.

— Там есть моя запись?

— Есть. И Серина проверка рядом. Я указала, где наблюдение твоё, а где выводы взрослых.

Девочка взяла лист и разглядела подписи.

— Спасибо.

— Мне не за что. Если бы ты не записала номер, я бы не увидела разницы.

Дана вернула лист отцу и ушла к себе. Мира осталась на пороге, не переступая границы дома.

— Вы правильно сделали, — сказал Кай.

— Что именно?

— Не стали рассказывать, будто она одна раскрыла заговор. И не попросили её искать ещё что-нибудь.

— Мне четырнадцатилетние помощники нужны в тех местах, где им разрешено быть.

Он впервые за два дня улыбнулся ей по-настоящему — одним углом рта.

В папке была отметка гарнизонного двора: несколько дней до пожара там изготовили серию медицинских корпусов под те же номера, что стояли в тетради Даны. Количество совпадало с числом похищенных яиц. Мира не могла доказать, кто заказал их, но производитель был определён.

— Завтра пойдём к изготовителю, — сказал Кай.

— И к тому, кто принимал корпуса на третьем выходе.

Кай посмотрел в комнату, где Дана переставляла книги матери.

— Мне придётся вернуться сюда раньше, чем я привык.

— Вы можете оставить мне часть работы, — сказала Мира.

— Вы и так делаете больше, чем обязаны.

Она едва заметно поморщилась.

— Я бы не была в этом уверена.

В его взгляде появилось прежнее подозрение, но он не стал спрашивать, что она скрывает. У Миры было ощущение, что такой вопрос всё равно скоро прозвучит — и она не сможет снова отделаться словом «порядок».

Спустившись с лестницы, она задержалась у наружной двери. В окне Данины комнаты горел маленький светильник. Кай не вышел следом. Он остался дома, где его ждали не только сообщения о двадцати четырёх чужих детях.

Мира подумала, что боится теперь не одного разоблачения собственной подписи. Ей стало страшно представить ещё одну опустевшую комнату в этом доме.

Глава 8. Третий выход

Человек, который мог показать им третью дорогу, боялся не военных.

— Жена служит в гарнизонной прачечной, — сказал портной обозной службы. — Если меня назовут свидетелем против коменданта, работу потеряет она. Потом нас попросят освободить комнату. А у нас сын кашляет от сырости. Вы что-нибудь сделаете с этим?

Мира сидела напротив него в тесной кладовке, где пахло мокрыми плащами и овечьей шерстью. Кай стоял у двери, стараясь не загромождать выход. Они пришли поздно, когда склады уже закрывались, а улица за стенами начинала пустеть.

— Я не обещаю вашей жене новую работу, — сказала Мира. — Но если вы покажете талон без подписи, мы проверим его через другие ведомости. Ваше имя в жалобу не попадёт без вашего согласия.

Портной потеребил край рукава.

— А если военные и так узнают, кто мог знать?

— Тогда вам лучше вообще не давать нам лист. Я этого не решу за вас.

Кай, слушавший молча, заметил, как портной выпрямился. Ему предложили выбор, не превратив его страх в препятствие, которое герои обязаны победить.

— Я ничего не видел внутри, — сказал мужчина. — На ночной платформе стояли закрытые контейнеры, грелки работали. Дирижабль привёз их до рассвета. Я подшивал брезент к последнему ящику, потому что он зацепился за угол.

Он достал тонкий пропуск из-за подкладки куртки.

— Вот. Масса не похожа на пустые медицинские корпуса. А потом с нижнего двора выехали телеги с тяжёлым грузом. Мне сказали, что там запасные печки.

Мира развернула талон. Бумага была настоящая, с номером транспортной смены. В графе массы стояло достаточно, чтобы она не спутала груз с двадцатью четырьмя деревянными оболочками. Ни о каких живых яйцах запись прямо не говорила. Но под масляным пятном читался знак «Пятой ступени».

— Сколько телег? — спросил Кай.

— Не считал. Две проходили рядом, остальные ждали под навесом. Дальше я не ходил.

— Куда они направились?

— В сторону военной дороги. Я слышал, как погонщик просил открыть нижние ворота.

Кай попытался спросить ещё, но Мира коснулась его рукава.

— Этого достаточно для первой проверки. Спасибо.

— Вы сохраните моё имя?

— Отдельно. И только для той комиссии, которой вы сами разрешите его открыть.

Портной отпустил талон неохотно. На лестнице Кай спросил, почему она не потребовала письменной подписи. Мира показала ему пустую графу свидетеля.

— Потому что тогда у него не осталось бы права сказать нам «нет». Сначала проверим маршрут по независимым листам.

— Вы думаете, военные оставили их открытыми?

— Думаю, никто не может унести двадцать четыре тяжёлые люльки, не потратив топливо, труд и место. Даже если закрыли нужный шкаф, за их счёт кто-то должен был заплатить.

Они дошли до старого городского складского двора. Третий выход, когда-то проходивший между двумя деревянными стенами, теперь был закрыт новым железным замком. Караульный не подпустил их ближе шести шагов.

— По распоряжению министерства, — сказал он.

Кай сделал шаг вперёд.

— Здесь гражданская ветка. Я имею право...

— Если у вас право, покажите бумагу.

Кай стиснул кулаки. Мира встала чуть впереди.

— Нам нужен расходный лист за ночную смену, — сказала она. — Не проход через ворота. Вы не обязаны открывать замок. Сообщите, где лежит гражданская опись.

Караульный не ожидал такой просьбы.

— У счетовода.

— Назовите его, пожалуйста.

Его звали Тирен. Он сидел в комнате с низким потолком и считал канаты, возвращённые с ремонта. Когда Мира показала свой прежний служебный значок, он сделал вид, что не заметил стёртую эмаль.

— Ночной расход, — повторил он. — Из гражданского? Потребуется подпись начальника.

— Дайте мне увидеть то, что не входит в военную тайну: пустые корпуса и расход упаковки.

Он вынул толстую книгу. В ней обнаружились накладные на войлок, железные кольца и ящики, изготовленные в гарнизонном дворе. В одной строке стояло число «24». Следом — пометка «возвратная тара». Дата изготовления предшествовала пожару.

Мира сделала копию. Кай проследил, чтобы Тирен подтвердил её соответствие без вписывания лишних выводов.

— Получается, они ожидали возврата пустых люлек, — сказал он, когда вышли.

— Получается, такие люльки изготовили заранее. Откуда знали, что понадобятся все двадцать четыре, ещё предстоит доказать.

— Иногда мне хочется, чтобы вы просто сказали «да».

— Иногда мне хочется, чтобы вы слышали, когда я говорю «пока».

Ночь пахла дымом из кухонных труб. С дальнего уступа над Ларом донёсся глухой рокот — не угроза, а разговор взрослых драконов, который с улицы казался грознее, чем был.

Аранта ждала их у каменного подъёма. Рядом стоял тёмно-медный Фарн, старший воин рода Каменного круга. Его чешуя несла старую рану на боку. Он слушал, пока Кай кратко объяснял, что доказано и чего ещё не знают.

— Седловина, — повторил Фарн. — Значит, там есть ворота. Их можно открыть.

— За воротами узкий коридор, — сказала Мира. — Взрослый дракон туда не войдёт. Разрушить скалу можно, но никто не скажет, что случится с живыми люльками под обвалом.

— Тогда отправим людей, — сказал Фарн.

— Кого? — спросила Аранта.

— Тех, кто согласится.

— И если солдаты начнут стрелять в тех, кто вошёл?

Фарн расправил повреждённое крыло на половину размаха.

— Пока мы обсуждаем, они готовят новый выстрел. Я предлагаю собрать наш отряд.

Кай понимал силу этого довода. Он сам хотел идти к закрытому складу с ломом. Но у него в кармане лежала бумага с ночным весом груза, а не адрес комнаты, где стояли дети.

— Нам ещё нужен независимый свидетель, — сказал он. — И точный путь после Седловины. Завтра мы проверим сведения о заводских кассетах. Потом поедем на восток.

— «Завтра», — тихо повторила Аранта. — Человеческое слово, которому очень удобно не иметь конца.

— Я назову вам результат даже если он будет плохим, — ответил Кай.

— Результат, — сказала она. — Не обещание.

Фарн хотел возразить, но Аранта попросила его ждать до следующего сбора родов. Она не приказала ему молчать — только объявила собственное решение не штурмовать по неполной карте этой ночью.

Дракон опустил голову. Это был знак несогласия, а не покорности. Он ушёл на внешний уступ, откуда легко мог взлететь и где для него не требовалось человеческой лестницы.

Мира раскрыла перед Арантой копию расходной ведомости. Под строкой о двадцати четырёх пустых корпусах стоял штамп отправления. Его оттиск был неполным, но направление на Седловину можно было прочесть.

— Мы знаем, как их вывезли из Лара, — сказала Мира. — Не знаем, где держат сейчас.

Аранта смотрела на цифру, не касаясь бумаги когтями.

— Я помню, как мой ребёнок шевелился внутри скорлупы, — произнесла она. — Не часто. Маленьким толчком, когда я ложилась с ветреной стороны. Вы рассказываете, сколько места заняли его люлька и чужие ящики. А я всё ещё не знаю, тепло ли ему.

Ни Мира, ни Кай не ответили. Говорить «да» было бы ложью. Говорить «нет» — тем более.

Под ними Лар продолжал жить: у пекаря гасла печь, из школьного двора выходил последний сторож, на верхних посадочных уступах молодые драконы спорили о завтрашней погоде. Один из них собирался утром доставить муку в дальний квартал и ещё не знал, что Фарн зовёт взрослых на войну.

— Завтра, — сказала Аранта, — вы принесёте мне не утешение. Адрес.

Они ушли с уступа вдвоём. Кай шёл первым, Мира держала прижатую к груди папку. У них не было доверия и не было права задерживать друг друга. Зато впервые появилась общая работа, которую нельзя было выполнить по отдельности.

В тёмных окнах мастерской Миры ждали старые планы Седловины. В них имелось место, где гражданская линия раздваивалась, а подписи переставали совпадать.

Часть II. Цена огня

Глава 9. Родовая метка

На третье утро Кай впервые увидел человека, который боялся пустой люльки сильнее, чем драконьей матери.

Молодой подмастерье стоял у нижнего входа Тёплых террас, прижимая к груди полотняный свёрток. На его короткой куртке держался запах оружейной смазки. Он назвался Ярелом и сказал, что больше не работает в Кремне. Кай не поверил второму прежде, чем проверил первое: имя значилось в старой городской книге ремесленников, а на рукаве был шов мастерской, куда он когда-то поставлял чехлы для драконьих детёнышей.

— Почему пришли сюда? — спросил Кай.

— Потому что на площади не успел. У меня была дорога, а потом я не мог решиться.

— Что в свёртке?

Ярел не развернул ткань.

— Если я покажу, вы должны выслушать до конца. Я не видел, как это произошло. Я видел то, что оставили после.

Кай отвёл его в комнату Серы. Она готовила новый лист медицинской ведомости, проверяя подлинные даты до пожара. Увидев испачканные руки юноши, попросила вымыть их и не подходить к оставшимся гнёздам без разрешения матерей.

На стол легла небольшая металлическая дуга — крепёжный ободок с медицинской люльки. Один край был обожжён, другой нёс знакомую полукруглую насечку.

Кай узнал её. Он сам держал этот ободок, когда Аранта впервые разрешила перенести своё единственное яйцо на человеческий смотровой стол. Насечка была сделана её когтем: три коротких углубления и одно глубокое, внизу. Он мог бы отличить её среди сотни похожих знаков.

— Где взяли? — спросил он.

— В Кремне. На разгрузочной площадке рядом с отработанными ящиками. Списывали тару после закрытой смены. Мне приказали собрать лом.

— Какой смены?

— Военной, — ответил Ярел. — Я уже не был допущен к цеху. Работал снаружи. Ночью слышал разговор о медицинской партии, а утром увидел остатки скорлупы и этот ободок.

— Скорлупы?

Юноша не поднял головы.

— Обломки. Их увозили отдельно. Я не уверен, что именно от этого яйца. Потому и пришёл к тем, кто может проверить метку.

Сера пододвинула свою тетрадь. На полях она хранила рисунок каждой отличительной насечки и номер крепления. Совпадение оказалось точным. Но медицинская метка подтверждала лишь принадлежность дуги, не судьбу ребёнка.

— Ободок мог быть снят до перевозки, — сказала Сера.

Кай ухватился за возможность так быстро, что ему стало стыдно.

— Да. Могли сменить крепление.

— Могли. Поэтому не говори Аранте «погиб», пока не увидим полный путь.

Ярел подался вперёд.

— У меня есть ещё одна бумага. Не здесь. Её хранит сестра. Она осталась работать в Кремне, и если вы начнёте громко требовать арестов всех оружейников, её запишут вместе с начальниками.

— Она знает, что внутри? — спросил Кай.

— Знает больше меня. Но я не хочу делать из неё обвиняемую, когда она пыталась удержать тепло в люльках.

Сера посмотрела на юношу пристальнее.

— Значит, там есть живые люльки?

— Я видел тёплый коридор. Я слышал, как работники называли температуру. Внутри не был.

Кай сжал край стола. Весь разговор состоял из обломков знаний, которым нельзя было доверить объявление смерти. Но в каждом обломке слышалось дыхание завода.

Они поднялись к Аранте. Кай попросил у драконицы разрешения привести человека, прежде чем та увидела свёрток.

— Я не могу обещать, что он принесёт хорошие вести, — сказал Кай.

— Пусть принесёт то, что видел.

Ярел стоял у подножия её уступа, едва доставая рукой до первого каменного выступа. Драконица могла бы раздавить его, не заметив сопротивления. Она сложила крылья ближе к телу, чтобы не сдвинуть пыль на человека.

Он рассказал о таре, обломках скорлупы, закрытой смене. На вопрос, видел ли он сам ребёнка, ответил «нет». На вопрос, видел ли гибель, тоже «нет».

Аранта опустила голову.

— Если это мой ободок, ребёнок ещё может жить?

— Я не знаю, — ответил Ярел.

Кай услышал, как тот произнёс эти три слова с усилием. Аранта не стала требовать вместо них утешительной неправды.

— Тогда принеси тех, кто знает, — сказала она.

Юноша кивнул, взял свою пустую ткань и ушёл. Кай ждал, что драконица скажет что-нибудь о мести. Она лишь медленно обошла пустую лежанку и легла рядом, не касаясь места, где прежде было яйцо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.